

XXXVI Чтения гуманитарного семинара «Мировой кризис и перспективы левых»

31 января 2009 г. состоялись XXXVI Чтения гуманитарного семинара на тему: «Мировой кризис и перспективы левых» с участием директора института проблем глобализации (ИГСО) **Бориса Кагарлицкого**. Борис Кагарлицкий – социолог, журналист, публицист. Кандидат политических наук. В 1977–1982 годах – участник подпольного левосоциалистического кружка в Москве, куда входило несколько молодых ученых, в основном гуманитарного профиля. Участвовал в издании подпольных журналов «Варианты» и «Социализм и будущее» (до 1981 – «Левый поворот»). В 1982–1983 годах арестовывался за «антисоветскую деятельность», после освобождения работал лифтером и почтальоном. Позднее – депутат Моссовета (1990–1993), член исполкома Социалистической партии, один из лидеров Партии труда (1991–1994). Публикуется с 1979 года, естественно, в самиздатских журналах. Впоследствии – в «Независимой газете», «Свободной мысли», «Новой Газете», «Компьютерре», The Moscow Times и др. Член научного сообщества (fellow) Транснационального института (Амстердам) с 2000 года. Лауреат Дейчеровской мемориальной премии (Велико-британия) за книгу «The Thinking Reed» («Мыслящий тростник»), 1988. Автор книг «Реставрация в России», «Восстание среднего класса», «Периферийная империя», «Управляемая демократия», «Марксизм: не рекомендовано для обучения».

Борис Кагарлицкий

Холодная Рига 2009-го

3 февраля 2009, 10:00

«Очень своевременно приезжаете, – прочитал я в ответном письме. – Уже погромы начались».

Хотя на погромы я опоздал, но всё равно было интересно.

В советские времена Рига ассоциировалась с Домским собором, с соседней Юрмалой, где море было холодным, а пляж – бесконечно длинным, с рижским бальзамом, который почему-то смешивали с водкой, и со съемками фильмов про иностранную жизнь. Один мой здешний знакомый водит гостей города (особенно тех, кто постарше, застал советские времена) по старому центру и объясняет: «Вот здесь Плейшнер выбросился из окна, здесь снимали Париж, а тут был Лондон...» Старый город, вообще-то, маленький и тесный, так что всё рядом. В юности я Ригу недолюбливал. Мне не хватало Средневековья. Другое дело – Таллин с его высоким замком, городскими стенами и старинной ратушей. Позднее я оценил, что в качестве культурного центра латвийская столица заслуживает внимания. Но вскоре кончился Советский Союз, а с ним и поездки в Прибалтику. За Средневековьем можно было ехать в Италию или Швейцарию. Предыдущий визит в Латвию был тоже связан с лекцией для студентов местного филиала Стокгольмской школы экономики. Почти половина слушателей говорили по-русски, но выступать приходилось по-английски. Поездку спонсировали производители рижского хлеба и рижского бальзама. Соответственно, после занятий был

фуршет, на котором давали только хлеб и бальзам. Огромную буханку я потом привез домой, и мы доедали её недели две. После этого в Латвию я больше не ездил. На сей раз Рига предстала передо мной по-зимнему холодной, пустоватой и немного растерянной. Экономический кризис разогнал инвесторов, среди которых были и богатые россияне, платившие по пять тысяч евро за квадратный метр «европейской недвижимости». Охрана в американской камуфляжной форме, предназначенной для иракской пустыни, мерзнет на морозе и бдительно следит за тем, чтобы никто снова не попытался разбить стекла парламента. Хотя, по хорошему, делать это надо было 13 января.

Со дня на день в Риге ждали протестующих крестьян, уже пытавшихся блокировать своими тракторами дороги в окрестностях. Сельскохозяйственная техника на улицах города так и не появилась, зато началось обсуждение аграрной политики, с которой, как выяснилось, далеко не всё в порядке. Крупные участки земли скупаются компаниями из Дании, которые переводят сюда свиноводческие хозяйства (с точки зрения скандинавских экологических норм утилизация свиного навоза оказывается второй по остроте проблемой после ядерных реакторов). А знаменитые латвийские молочные продукты оказываются всё менее

востребованными из-за дороговизны. «Посмотрите на Литву, – возмущается один из моих собеседников. – Они переживут кризис, потому что всем себя сами обеспечивают. А мы?..»

Крестьяне заготовили большую цистерну с навозом, предназначенную для министерства, но очень переживали из-за надвигающихся холодов – вдруг замерзнет?

Январский бунт – главная тема бытовых разговоров и политических дискуссий. Его сравнивают с событиями в Вильнюсе, с протестами в Греции и Болгарии. Спорят о том, кто стоял за беспорядками (ведь правые партии, которые вывели народ на площадь, довольно быстро потеряли контроль над ситуацией). Погромы в тихой и вполне мещанской по духу Латвии явились сенсацией, хотя меня больше поражает то, что по окончании уличного кризиса ровно ничего не изменилось.

Главное, что спасает власть, объясняла мне психолог Анна Соболева, – это неспособность латышей и русских договориться. Сегодня крестьяне готовы объединить усилия с русскоязычным населением крупных городов, но русские уже научены опытом 90-х годов, требуют гарантий: «Как вы докажете, что не предадите нас, как в прошлый раз, когда мы поддержали независимость, а в ответ получили лишение гражданства и ограничение культурных прав?» И всё же в сознании людей, похоже, происходит некий переворот, просто он не столь заметен. Разговоры о правах русских и перспективах интеграции Латвии в Европейский союз, которые больше всего занимали моих собеседников в прошлую поездку, всё чаще уходят на второй план, приобретая скорее ироническую окраску. Конечно, дискриминация русских школ продолжается, как и многие другие безобразия, типичные для латвийской «второй республики». Но доля «неграждан» среди русскоязычных жителей Латвии постепенно понижается, выпускники школ получают латвийский паспорт почти автоматически, а представителям старшего поколения экзамен на гражданство сдать ничего не стоит. Доказать знание латышского языка удалось даже журналисту Андрею Воронцову, публично заявляющему, что он совершенно не знает местного наречия. У Воронцова репутация «человека, который ненавидит латышей». Это неправда, уверяет он меня. «Латыши – замечательные ребята. Я только не могу понять, зачем им собственное государство. И они тоже этого понять не могут».

Нет, кое-что у латвийского государства очень даже неплохо получается. Улицы в Риге чистые, несмотря на

лед и снег, дома хорошо отремонтированные, полиция вежливая. Она была такая вежливая, что даже почти не разгоняла толпу, бившую окна в сейме. Отсюда у многих мысль о провокации, «заказухе». Одни указывают на американское посольство, другие подозревают стекольщиков.

С точки зрения Воронцова, проще было бы отдать всю Латвию целиком под внешнее управление, например, Швеции. На худой конец Литве. Всё было бы лучше. Действительно, плоды государственной деятельности местных политиков не вдохновляют. После присоединения к Европейскому союзу политики и бизнесмены Латвии смогли получить оттуда огромные деньги – в виде грантов, субсидий и кредитов, но жизнь от этого радикально не изменилась. Сейчас балтийская республика переживает острейший финансовый кризис, денег в казне не хватает на повышение пенсий, явно отстающих от выросших цен, а правительство отчаянно пытается удержать явно завышенный курс лата, за который дают аж два доллара. При таком обменном курсе всё здесь оказывается безобразно дорогим, производство становится нерентабельным, а туризм привлекателен только для сумасшедших русских, приезжающих сюда тратить нефтедоллары и отмывать краденые рубли в здешних банках. С банками, однако, тоже проблема. Parex Banka, гордость финансового сектора балтийской республики, оказался на грани банкротства. Знающие люди утверждают, что банкиры заигрались с операциями на Украине. Когда начался кризис, позиции банка рухнули вместе с курсом гривны.

Правительство, естественно, банк принялось спасать, чем вызвало возмущение народа. «Помогли «Парексу», помогите и нам!» – кричали демонстранты на площади перед парламентом 13 января. Хотя им, разумеется, никто помогать не будет. Чтобы справиться со своими финансовыми обязательствами, правительство повышает налоги и акцизы, что, конечно, не поднимает настроения местных жителей.

Русский гуманитарный семинар, пригласивший меня в Ригу, – один из центров консолидации местной русскоязычной интеллигенции, и не только русскоязычной. Организует семинар Сергей Мазур, школьный учитель истории. Значительная часть людей, участвующих в дебатах, – латыши. Здесь могут обсуждаться самые разные проблемы – от того, насколько преувеличено значение Пушкина в русской культуре, до истории оперы.